

© 1994 г.

Т.Б. УВАРОВА

ЖЕНЩИНЫ, ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Работа В. Голдман*, профессора истории Университета Карнеги Мелон, основана, главным образом, на исследовании советских архивных материалов, данных, малоизвестных даже среди специалистов, работ советских социологов, юристов, педагогов 1920—1930-х годов, материалах периодики тех лет. Автором **предложен** во многом отличающийся от общепринятых стереотипов взгляд на развитие семьи как важнейшего общественного института в первые послереволюционные десятилетия истории России.

В исследовании прослеживается становление взглядов, присущих идеологии большевиков, на роль и положение женщины в семье и в обществе в целом. Как первое обращение в марксизме к проблеме участия женщин в общественном производстве В. Голдман рассматривает работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844), считая ее не столько теоретическим исследованием, сколько «мощным моральным обвинением в адрес индустрии». Энгельс, в частности, уделил внимание таким последствиям внедрения новой техники в производство, как возможность замены мужчин на рабочих местах женщинами и детьми, выполнявшими ту же работу лишь за часть заработной платы мужчин. Считая этот процесс неизбежным, Энгельс, тем не менее, был глубоко обеспокоен его воздействием на положение женщин и семьи в целом. Эти взгляды во многом отразили, как считает исследовательница, свойственный всему XIX в. «пролетарский антифеминизм», унаследованный первоначально социал-демократами. Вместе с тем, подчеркивает она, именно Ф. Энгельс первым поставил вопрос о самой природе полового разделения труда, отказавшись от идеи его «естественности» и разработав подход к семье не столько как к биологическому, сколько, в первую очередь, социальному, конкретно-историческому явлению.

В опубликованной в 1884 г. работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс обосновывал главенство женщин в пер-

вобытном обществе коллективным характером ведения домашнего хозяйства как важнейшей сферы общественного производства. Эти взгляды на природу угнетения женщины далеко не сразу были приняты рабочим движением, а затем и социал-демократией. Ключевой фигурой в их популяризации и утверждении стала Клара Цеткин с ее колоссальными личным авторитетом и энергией.

Для прогрессивных кругов российского общества идеи женского равноправия были достаточно органичны. В 1830-е годы они нашли поддержку среди представителей дворянства: в 1860-е — у разночинцев; в 1870—1880-е годы — среди революционеров-народников. Важнейшую роль, как известно, играли женщины в руководстве террористической организацией народолюбцев.

Взгляды большевиков на «женский вопрос» существенно отличались, как пишет В. Голдман, «от социального экспериментаторства радикальных движений» и в большей мере были ориентированы на марксистскую теорию с присущими ей аналитическими категориями. Вместе с тем, в отличие от «классического» европейского марксизма, российские марксисты в соответствии с особенностями общественного развития своей страны особое внимание уделили трансформации семьи в переходном обществе на стадии его преобразования из крестьянского в индустриальное. Эта точка зрения, считает В. Голдман, позволила выявить более глубокие особенности отношений доминирования и зависимости в семьях трудящихся классов. Так, Н. Бухарин, например, обратил внимание на различия крестьянской и рабочей семей как производящей ячейки в первом случае и потребительской — во втором.

Е.О. Кабо, занимавшаяся в 1920-е годы проблемами экономики и социологии семейного быта рабочих, подчеркивала, что, утратив производственную функцию, семья продолжала оставаться основной репродуктивной и потребительской ячейкой. Важнейшая ее роль заключалась в «перераспределении доходов» для поддержания необходимого жизненного уровня всех ее членов, включая глубоких стариков и малолетних. Не сохраняя семью, рабочий класс оказался бы лишенным возможности самовоспроизводства.

В работах Е. Кабо, считает В. Голдман, марксистская концепция семьи как бы «переворачивается»: в основе семьи оказывается не эксплуатация

*Голдман В.З. Женщины, государство и революция: государственная политика по отношению к семье и жизнь общества, 1917—1936. *Goldman W.Z. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1993. 351 p.*

жены мужем, а, напротив, «эксплуатация» мужчины-работника неработающими членами семьи. В противоположность классикам марксизма, анализировавшим процессы разрушающего воздействия капитализма на традиционные семейные роли, Кабо основное внимание уделила причинам сохранения семьи у рабочих как в капиталистическом обществе, так и при социализме, во всяком случае, в период его построения. В любом обществе подлинное равноправие женщины как «слабейшего экономического партнера в семье» возможно лишь тогда, когда осуществляется последовательная государственная

политика установления равенства заработной платы для мужчины и женщины, развитие широкой сети гарантированного социального обеспечения и бытового обслуживания.

Первый советский закон о семье и браке, принятый всего год спустя после революции, в октябре 1918 г., коренным образом порывал с прежней системой семейно-брачных отношений. До революции законным в России признавался только церковный брак.

Муж был полновластным главой семьи; право на собственный паспорт и отдельное от мужа проживание женщины в России получили лишь в 1914 г. Крайне затруднительным было расторжение брака. Единственный прорыв патриархальной власти в русском брачном законодательстве — признание раздельности собственности супругов, в чем оно опережало аналогичные европейские законодательства. Новый закон в разделе признания личных прав и равенства супругов, по оценке Голдман, стал наиболее последовательным и прогрессивным семейно-брачным актом своего времени. Им устанавливались порядок гражданской регистрации брака, возможность развода по требованию любого из супругов без каких-либо обоснований. Дети, независимо от того, был ли зарегистрирован брак родителей, получали равные права. Провозглашением независимости семейных обязательств от брачного контракта советское законодательство резко порывало с общеевропейской юридической традицией в этом вопросе. Еще одним новшеством был запрет на усыновление, поскольку государственное обеспечение и воспитание сирот рассматривалось как более предпочтительное по сравнению с семейным.

Политика военного коммунизма в России «работала» на идею быстрой смены старых форм социальной организации новыми как на общегосударственном уровне, так и на личностном. В этих условиях первый советский закон о семье и браке, будучи действительно радикальным, тем не менее, вызвал критику «слева», как закон «еще не социалистического, а переходного периода». Наибольшие возражения вызвало само признание таких социальных норм как регистрация брака, алименты, обязанности семьи по воспитанию детей. Однако именно невозможность полного государственного обеспе-

чения и воспитания детей стала причиной первого отступления от провозглашенных норм семейного строительства.

По оценкам ряда специалистов, за период с 1914 по 1921 гг. Россия потеряла около 16 млн. человек, что, естественно, сопровождалось распадом многих семей. Массовое сиротство и обусловленная им беспризорность стали проблемой еще до прихода к власти большевиков. На общегосударственном уровне этот вопрос был поставлен в 1919 г., на Всероссийском съезде по защите детства. Доклады и выступления в полной мере отразили, по авторскому выражению, смесь идеализма и грубого реализма, присущую первым годам советской власти. Несмотря на признание необеспеченности детских домов всем самым необходимым, отсутствие квалифицированных педагогов, утверждалось понимание государства как большой семьи. Наиболее последовательные приверженцы этой идеи настаивали на необходимости «освобождения детей от семьи и организации их жизни на основе самоуправления».

По мере ухудшения условий жизни число детей в детских домах постоянно росло: с 30 тыс. в 1917 г. до 540 тыс. в 1921 г. Беспризорность при этом продолжала оставаться массовой. В январе 1921 г. специальным решением ВЦИК была создана Деткомиссия, которую возглавил Ф. Дзержинский, видевший основную задачу в борьбе с беспризорностью — причиной быстрого роста молодежной преступности в стране. К середине 1920-х годов юристы и педагоги были вынуждены признать наличие так называемой хронической беспризорности, которую понимали уже как особую субкультуру, асоциальную и криминальную в своей основе и не поддающуюся педагогической коррекции. Это стало основанием для признания на уровне государственного руководства, что в случае, когда семья не может прокормить детей, лучше помочь семье, чем взять их на полное государственное обеспечение. В 1926 г. ВЦИК своим указом отменил запрет на усыновление, установленный законом о семье (1918). Эта мера решала, по крайней мере, две проблемы: сокращение государственных расходов на содержание детей и обеспечение необходимой профессиональной подготовки молодежи для вступления ее в самостоятельную жизнь. Семья, таким образом, была восстановлена в роли единственного института, способного прокормить, одеть, наконец, дать ребенку «путевку в жизнь», причем таким образом, чтобы это почти ничего не стоило государству.

Новая процедура оформления семейно-брачных отношений внедрялась постепенно: в 1923 г. в загсах было зарегистрировано 123 тыс. браков, рождений, смертей, тогда как в церковных приходах — более 42 тыс. Наиболее активно было «востребовано» предоставленное новым законодательством право «гражданского» развода. В середине 20-х годов по количеству разводов на 1 тыс. населения

показатель по СССР почти в три раза превосходил аналогичные показатели в Германии и во Франции, в 26 раз — в Англии. Показатели брачности и разводимости, сопоставимые с показателями по СССР, из западных стран были отмечены только в США.

Право на развод, таким образом, получило широкую реализацию, но его последствия оказались неоднозначными, особенно в условиях быстрого роста женской безработицы. До 1921 г. женщины составляли активно растущую часть рабочего класса, но с завершением гражданской войны и демобилизацией 4 млн. красноармейцев, а затем переходом к нэпу женщины все чаще оказывались в числе безработных.

Вопрос о женской безработице стал одним из центральных на II Всероссийском съезде женщин-работниц и крестьянок. В целом ряде выступлений отмечалось, что для безработных женщин развод приобретал поистине трагические последствия, означая невозможность элементарного обеспечения собственного существования и содержания детей.

Естественным противоречием между идеалом «свободного союза» мужчины и женщины и реальными экономическими условиями жизни стал рост проституции в годы нэпа. По данным социологических обследований середины 1920-х годов, в Москве более 60% женщин, вынужденных воспользоваться таким способом заработка, принадлежали к работникам. Даже при наличии места женщина не всегда была в состоянии прокормить семью: ее заработок существенно уступал мужскому, не исключая случаев выполнения одной и той же операции. Делегаты Всероссийского съезда женщин-работниц 1927 г. с разочарованием констатировали иллюзорность свободы и равенства, не подкрепленных реальной экономической независимостью, основанной на достаточно высокой заработной плате.

Возможность получения алиментов, предоставленная законом, и, как правило, обеспечиваемая судом, также не решала проблемы. Заработная плата мужчин, в основной массе, также была недостаточна для оказания серьезной помощи прежней семье, особенно при вступлении их в новый брак.

Положения нового законодательства находились в еще большем противоречии с реалиями жизни крестьянства, составлявшего к концу 1920-х годов 84% населения России. Закон о земле, принятый в 1922 г., предоставил женщине равные с мужчиной права на землю. Вместе с тем, сохранив домохозяйство или двор в качестве основной производственной единицы деревни, закон сохранил и основу патриархального уклада крестьянской жизни, в котором не было места экономически самостоятельной независимой женщине.

Попытки внести изменения в закон о семье 1918 г. были предприняты уже в начале 20-х годов. С 1923 по 1925 гг. комиссариат юстиции разработал

три новых проекта закона о семье, собственный проект представил комиссариат внутренних дел. В них предусматривалось признание фактического брака, вплоть до уравнения его с официально зарегистрированным; упрощалась процедура развода, сужался состав взаимобязанных членов семьи. Еще одной тенденцией, усиливавшейся по мере проявления социальных последствий нэпа, стал протекционизм по отношению к женщинам и детям как «слабейшему экономическому партнеру в семье».

Все проекты были опубликованы и получили широкий резонанс как в массовой печати, так и в специализированной юридической периодике. В. Голдман выделяет четыре группы населения в СССР, различающиеся своим отношением к предложенным проектам. Резко отрицательным оно было у *крестьян*, считавших фактический брак без официальной регистрации неприемлемым для патриархального уклада, подрывавшим своими «экономическими последствиями» основы сельского домохозяйства. В особую группу исследовательница выделяла так называемых *протекционистов*, то есть представителей партийного руководства, крупных юристов, квалифицированных рабочих и служащих. Неприятие положений новых проектов обосновывалось в первую очередь марксистским положением о необходимости соответствия социальных отношений экономической базе. Кроме того, отмена официального брака, с их точки зрения, поставила бы женщин в еще более тяжелое положение.

Среди сторонников нового закона автор также выделяет две группы. *«Прогрессивные юристы»*, как определяет исследовательница одну из них, приветствовали новые нормы как действительно соответствующие социалистическим общественным отношениям. Вторую группу составляли *защитники интересов женщин*. Сознвая издержки нового закона, они, тем не менее, сознательно шли на них с целью кардинального решения женского вопроса в конечном итоге.

В январе 1927 г. новый закон о семье был принят. В отличие от проекта, он утверждал важное значение регистрации брака для государства и общества, признавая вместе с тем и фактический брак по таким его «параметрам», как совместное проживание и ведение хозяйства, содержание и воспитание детей, подтвержденные, в случае необходимости, показаниями свидетелей. По оценке Голдман, закон отразил противоречия либерализации социальных связей, включая сексуальные, с одной стороны, и экономические реалии жизни, с другой. Во всяком случае, юридические попытки «разорвать путы буржуазного брака» зачастую только усиливали трудности женщин, ставя их в еще более тяжелое положение.

Конкретным примером внутренней противоречивости советского семейного законодательства могут служить правовые нормы регулирования рожда-

емости. Так, в 1920 г. Россия стала первой страной в мире, легализовавшей практику прерывания беременности. При этом многочисленные инструкции комиссариата здравоохранения устанавливали жесткую иерархию предоставления женщинам этого права в соответствии с их социальным и материальным положением. В конце 1920-х — начале 1930-х годов в ряде городов России, по данным медицинской статистики, число абортотворцев превысило число родов. В Москве в 1934 г. их соотношение определялось как 271 к 100. Наряду с другими факторами эта получившая широкое распространение практика регулирования размера семьи стала одной из причин сокращения рождаемости в Советском Союзе с конца 1920-х.

Одной из попыток противодействия данному процессу стал принятый в 1936 г. закон о запрещении абортов. Однако, несмотря на все принятые меры, как свидетельствовало дальнейшее падение рождаемости, население уже не вернулось к прежним нормам репродуктивного поведения.

В течение двух первых пятилеток произошло массовое включение женщин в общественное производство, и к 1937 г. они составляли 35% численности рабочих. Казалось бы, статистика отразила «зарю новой эры для женщин»: экономически обеспеченную эмансипацию. Кроме того, увеличилось число детских дошкольных учреждений, предприятий бытового обслуживания. Происходило как бы воплощение в жизнь идей 1920-х годов по социализации домашнего хозяйства, что могло бы стать вполне почвой для действительного «отмирания семьи».

В реальности, обеспечив условия для включения женщин в производство, государство сохранило ее зависимость от мужа, используя такой важный рычаг как уровень реальных доходов населения. В 1937 г., по оценкам западных специалистов, заработная плата в Советском Союзе была значительно ниже, чем в 1928 г. Для обеспечения необходимого прожиточного минимума семьи оба супруга должны были включиться в общественное производство, что, в первую очередь, обеспечивало решение государственных проблем.

Резюмируя свою работу, В. Голдман пишет, что за два десятилетия (с 1917 по 1936 гг.) в Советском Союзе произошел полный пересмотр официального взгляда на семью. Период, начавшийся с признания возможного «отмирания семьи», закончился фактически принудительным усилением семейного

союза. Понятие семьи наряду с понятиями «социалистическая законность» и «социалистическая государственность» вошло, по выражению В. Голдмана, «в новую святую троицу партийной идеологии».

Ликвидация в 1930 г. Женотдела означала отказ от защиты интересов женщины на государственном уровне, хотя социальная политика первой пятилетки еще сохраняла некоторую инерцию эмансипации женщин в стране. «Следы» семейного законодательства 1920-х годов, предоставившего женщинам широкие права и демократизировавшего институт семьи в целом, были полностью ликвидированы законом о семье 1944 г., возмратившим семейно-брачным отношениям категорию «законности» и «незаконности» в зависимости от официальной регистрации брака.

Полное крушение преобладавших в 1920-х годах взглядов на семью и ее будущее было вызвано не только тяжелым экономическим положением в СССР, считает В. Голдман. Идеологическая переориентация в этом вопросе имела не экономическую, а преимущественно политическую природу, в основе которой лежало распространение сталинских методов управления на все сферы жизни общества. Политика по отношению к семье представляла собой причудливый гибрид: связанная своим происхождением с социалистическими революционными идеями, развившаяся на почве нищеты, она была коренным образом деформирована государственным репрессивным воздействием. В идеологии, однако, подчеркивалась преемственность семейного законодательства 1920-х, 1930-х, 1940-х годов; провозглашалось, что на его основе «десятки миллионов матерей освобождены для полноценного участия в жизни общества». Величайшая трагедия, по мнению В. Голдмана, заключается в том, что последующие поколения советских женщин, отторгнутые от идей и достижений других стран, само возникновение которых стало возможно лишь в результате победы революции в России, привыкли считать жизнь в своей стране настоящим социализмом, принесшим им освобождение.

В заключение отметим чрезвычайную актуальность книги — многие отмеченные в ней процессы и явления буквально аналогичны современным. Кроме того, в исследовании перед нами как бы снова предстает периодика 20-х годов — выборка для современного ученого весьма интересная и, к сожалению, практически сейчас неизвестная.